

Румынско-украинско-молдавские территориальные споры в исторической перспективе

©Гром О. А.

©Grom O.

Румынско-украинско-молдавские территориальные споры в исторической перспективе

Romanian-Ukrainian-Moldovan territorial disputes in the historical outlook

Аннотация. Проанализирована история румынско-украинско-молдавских территориальных споров и формирования границ государств в регионе с начала XX в. до наших дней. Особое внимание уделено анализу работ теоретиков и практиков украинского и румынского национализмов. Показаны современное состояние вопроса о границах и перспективы их пересмотра. Подчеркнуто, что, хотя сейчас вопрос о пересмотре границ не рассматривается в практической плоскости, этого нельзя исключить в будущем.

Annotation. The article studies the history of Romanian-Ukrainian-Moldovan territorial disputes and the state borders formation from early XX century till present. The particular attention is paid to the analysis of writings of the Romanian and Ukrainian nationalist theorists and practitioners. There also is shown the contemporary state of the boundary issue and described the potential of their revision. Now the revision of the modern borders is out of practical discussion, but the author concludes, that this variant can appear in future.

Ключевые слова. Румыния, Украина, Молдова, национализм, территориальный спор, пограничье.

Key words. Romania, Ukraine, Moldova, nationalism, territorial dispute, frontier.

Украинско-румынское пограничье включает в себя исторические области: Бессарабию (правобережная Молдова и юг Одесской области Украины), Буковину (северо-восток Румынии и Черновицкая область Украины), а также междуречье Буга и Днестра (Приднестровье и Одесская область). С момента формирования современных наций и национальных государств этот регион стал ареной символического, а затем политического и военного противостояния. Традиция представлений о национальном пространстве и «естественных» границах сложилась на рубеже XIX и XX вв. и продолжает определять современную политическую повестку дня во взаимоотношениях государств региона.

ГРОМ Олег Андреевич — младший научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра (ИОНЦ) РАН (г. Ростов-на-Дону).

Исследование подготовлено в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 14-18-01442 «Украинский кризис и проблемы социально-экономической интеграции в Азово-Черноморском регионе».

Одной из предпосылок появления территориальных споров в регионе стал сложный этнический состав. По данным переписи 1897 г., 46% населения Бессарабской губернии составляли молдаване или румыны (большинство этнографов и публицистов тогда считали их одним народом), проживавшие компактной массой в центральных уездах. В северных уездах население было смешанным молдавско-украинским, причем украинцы (русины или руснаки) доминировали. Южная часть Бессарабии, представлявшая собой продолжение степного фронта, отличалась сложным этнографическим составом, в котором относительное большинство составляли украинцы (малороссы), но заметную роль играли колонисты — немцы, болгары, гагаузы и др. Заднепровье административно входило в состав Херсонской и Подольской губерний и в этнографическом отношении также было неоднородным. В районах, прилегающих к Днестру, относительное большинство составляли молдаване; далее на восток доминировали малороссы. Население Буковины, по австро-венгерской переписи 1910 г., составляло около 800 тыс. человек, из которых 38,4% составляли русины (украинцы), 34,4% — румыны, 12% — евреи и 9,3% — немцы [33. Р. 49]. Украинцы населяли преимущественно северные районы герцогства, примыкающие к Российской империи и Галиции, румыны — южные, граничащие с Румынией. Немцы и евреи были рассеяны среди городского населения.

«Официальные» цифры не всегда соответствовали представлениям националистов. Поэтому с их стороны существовала параллельная статистика. Так, многие авторы, писавшие о Бессарабии, сходились во мнении, что молдаване составляют порядка трех четвертей населения губернии [13]. Это было вызвано тем, что местное население, еще не мыслившее в категориях современного национализма, часто имело двойные, а то и тройные идентичности, а также со временем меняло их. Для Бессарабии такой феномен зафиксировал в начале XX в. В. Н. Бутович [4. С. 12—13]. В любом случае манипулирование этностатистикой, часто визуализированной в виде этнографических карт, было важной составной частью борьбы за территории и их население.

Не только этнический состав, но и прошлое региона становилось ареной борьбы за национальное присвоение пространства, поскольку «историческое право» рассматривалось как один из факторов легитимации территориальных притязаний. Между русскими, украинскими и румынскими историками не утихали споры о «национальной принадлежности» проживавших в древности в Бессарабии и соседних областях племен и народностей (дако-гетов, антов, уличей, тиверцев и др.). Известный географ бессарабского происхождения Л. С. Берг, ссылаясь на изыскания академика А. А. Шахматова [25. С. 46], писал, что «для русских этот край имеет свой особый, специальный интерес: новейшими исследованиями обнаруживается, что Бессарабия есть *прародина русского народа* (курсив мой. — О. Г.); здесь жили русские в ту пору, когда они еще не успели разделиться на три ветви: великоросов, малоросов (украинцев) и белорусов» [2. С. 10].

Грушевский, в свою очередь, считал антов, а затем уличей и тиверцев «украинскими племенами», давшими начало украинскому народу

[8. С. 36]. Румынские историки настаивали на том, что румыны (молдаване) являются коренным населением региона, сохранившимся еще со времен Римской империи, хотя их появление в Бессарабии фиксируется в источниках не ранее XII века, а в Заднепровье — только с XVI—XVII вв. Некоторые шли еще дальше, считая известную по русским летописям Болоховскую землю, располагавшуюся в XI—XIII вв. в северном течении Буга, первым румынским (прото)государством, отождествляя болоховцев с волохами, т. е. предками румын [28. Р. 13—36]. Отсылки к этому историческому образованию были характерны и для украинского националистического дискурса. Так, название «Болоховская земля» получила в 1918 г. административная единица УНР с центром в Житомире, а сама идея такой административной единицы принадлежала М. С. Грушевскому [19. С. 95]. Все эти попытки «национализации прошлого» свидетельствуют о важности региона для создания румынской, украинской и русской национальных мифологий.

До Первой мировой войны разговоры о взаимных территориальных претензиях редко выходили в практическую плоскость. Молдавское национальное движение, зародившееся в начале XX в., видело полем своей деятельности исключительно территорию Бессарабской губернии. Их конечной целью была автономия Бессарабии в составе России, причем эта автономия мыслилась как национальная на основании того, что румынский (молдавский) народ составляет большинство населения. Вопрос о полиэтничности населения губернии и о южных и северных уездах, где молдаване не составляли большинства, попросту не поднимался.

Для румынских националистов конца XIX — начала XX в. восточные рубежи «Великой Румынии» ограничивались исключительно Бессарабией и Буковиной как «историческими провинциями», входившими до конца XVIII — начала XIX в. в состав Молдавского княжества. При этом они воспринимались как «румынские земли» целиком, хотя эти административные образования в их тогдашних границах были порождением имперской политики России и Австро-Венгрии.

Начало Первой мировой войны поставило румынскую элиту перед выбором стороны конфликта. Участие в войне на стороне Антанты сулило территориальное приращение за счет Трансильвании и Буковины, а выступление на стороне Тройственного союза предполагало в качестве «компенсации» несоизмеримо меньшие в плане территории и населения приобретения в Бессарабии. Сторонники второго пути оставались в меньшинстве.

Одним из крупнейших пропагандистов вступления Румынии в войну на стороне Германии был публицист бессарабского происхождения Алексис Ноур. Он шел дальше большинства коллег-германофилов, размышляя об общности интересов румын и русинов (украинцев), эмансипации Украины, присоединении Бессарабии. Он же впервые сформулировал румынские притязания на территории за Днестром — Транснистрию [27. Р. 258]. Свои идеи Ноур отразил в вышедшей в 1915 г. статье «Русско-румынская Эльзас-Лотарингия» [36. Р. 111]. Ноур при-

зывает румын «познать» Бессарабию и Заднепровье, о которых, по его мнению, румынской публике не было известно ничего. «Во всем мире, — писал он, — нет подобного постыдного примера, как этот, чтобы такая территория с почти гомогенным населением не была исследована национальными учеными королевства, которое имеет несомненные права на эту территорию» [36. Р. 117].

Расширение претензий на Транснистрию нужно было Ноуру, чтобы придать больше веса идее вступления Румынии в войну на стороне Германии, что могло принести не меньше выгоды, чем гипотетическое занятие Трансильвании в случае войны на стороне Антанты. Этой же цели служило создание образа «восточной Румынии» как территории, подверженной национальной ассимиляции в большей степени, нежели Трансильвания. При этом Ноур отмечал, что если в городах и их окрестностях румыны легко воспринимали русский язык и культуру, то «румын в глубине провинции остался практически не тронутым и лишенным национального сознания, представляя очень хороший материал для румынизации». При этом «за городскими барьерами» скрывалась румынская нация намного более чистая, чем в Трансильвании [36. Р. 118]. Кроме того, занятие Транснистрии означало контроль над Одессой, крупнейшим центром черноморской торговли.

В 1915 г. Ноур разработал и опубликовал в Бухаресте этнографическую карту Бессарабии (рис. 1). Согласно Ноуру большинство (2 из 3 млн) населения края составляли румыны — с пометкой, что их «местное название» — молдаване. Эта карта неоднократно переиздавалась и использовалась позднее на послевоенных конференциях как «доказательство» румынских прав на Бессарабию.

Однако среди бессарабских интеллектуалов и эмигрантов в Румынии Ноур оставался маргиналом. После вступления Румынии в 1916 г. в войну на стороне Антанты положение сторонников «бессарабского направления» стало еще более шатким [30. Р. СII, СIX]. Тем не менее появление дискурса «Транснистрии» способствовало росту интереса к этой территории и формулированию впоследствии румынской экспансионистской программы на востоке.

Украинский национальный проект в XIX — начале XX в. отличался достаточно аморфными представлениями о пространственных границах украинского «идеального отечества». В литературе начала XX в. часто используются понятия «украинская территория», «национальная территория» и т. п. без пояснения географических рамок и принципов их определения. Как правило, украинскими считались Волынская, Подольская, Киевская, Херсонская, Полтавская, Харьковская, Екатеринославская и Холмская губернии целиком, а также части Черниговской, Гродненской, Минской, Бессарабской, Таврической, Курской, Воронежской губерний и Область Войска Донского. Авторы подобного «типичного» описания в книге «Украинский вопрос» (1914) отмечали, что украинский элемент «несколько разряжен» на окраинах [23. С. 27—28]. К этим «разряженным» окраинам «национальной территории», очевидно, относилась и Бессарабия.

удержать можно будет только ядро «идеального отечества», что впоследствии продемонстрировал опыт Гражданской войны.

«Отец украинской географии» — Степан Рудницкий уже во время войны занимался проектами будущего устройства независимой Украины. Его представления о границах нашли отражение в изданной в 1916 г. на немецком языке книге «Украина: земля и народ». Рудницкий исходил из того, что «национальная территория — это главная основа нации. Другие признаки нации — самостоятельный язык, культура, расовые признаки, историко-политические традиции — имеют намного меньшую значимость. Только в связи с территорией они приобретают свою силу» [6]. Из этого следовало, что цель украинского движения состоит в создании национально-территориального государства в этнографических границах. Эти границы понимались Рудницким весьма широко. Его «идеальная Украина» охватывала огромную территорию от Карпат до Каспийского моря. В интересующем нас регионе она должна была проходить от Измаила до излучины Днестра возле Дубоссар, далее в сторону Оргева, через Бельцы до Новоселицы. Далее в Буковине линия проходила по границе с Румынией до городов Сирет и Радэцы, затем поворачивала в сторону Черновцов и затем через Сторожинец и Молдавицу вдоль венгерской границы. Рудницкий также указывал, что по обе стороны от очерченной им линии в большом количестве находились «этнографические острова» — румынские на украинской стороне и наоборот [37. S. 123—133]. На составленной Рудницким «Карте Украины» 1918 г. (см. рис. 2) территориальные претензии в Бессарабии ограничивались только Аккерманским и Хотинским уездами, которые обозначены как территории, «еще не вошедшие в состав УНР» [5]. Но уже в учебнике географии, изданном Рудницким в 1919 г., Украина вновь охватывала районы Кили, Аккермана и до Бедер, затем проходила по Днестру до устья Реута и далее через Оргеев и Бельцы в сторону Прута [20. С. 102]. Также была очерчена «желаемая» граница Украины на карте, представленной украинской делегацией на Парижской мирной конференции 1919 г. (см. рис. 3).

До революции 1917 г. украинское и молдавское национальные движения сосуществовали мирно. Ситуация начала меняться после Февральской революции, когда «национальное самоопределение» начало переходить из плоскости теоретических рассуждений и интеллектуальных упражнений в прессе в сферу практической политики.

Сразу же после Февральской революции в Киеве была сформирована Центральная Рада, претендовавшая на роль национального краевого представительного органа. Председателем Рады был избран Грушевский. Уже к лету 1917 г. Рада сформировала органы местной власти и объявила краевую автономию Украины.

Менее интенсивно шли процессы «национализации» в Бессарабии. Февральская революция стала для молдавских националистов неожиданностью. Лишь в апреле национальное движение консолидируется в Молдавскую национальную партию (МНП). Большинство активных политических игроков на тот момент продолжали видеть будущее Бессарабии в составе «обновленной России». Молдавские националисты, до 1917 г.

Рис. 2. Фрагмент карты Украины Рудницкого. 1918 г.

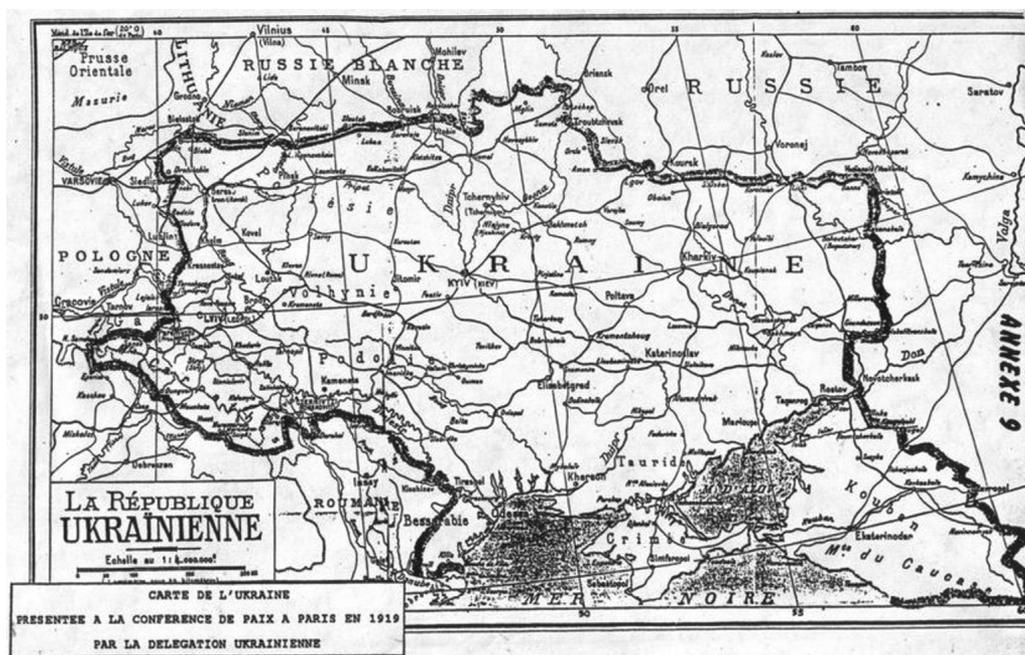

Рис. 3. Карта Украинской республики, представленная на Парижской мирной конференции в 1919 г.

маргинальная группа с ограниченным влиянием, после революции оказались в центре политической жизни края. Отчасти этому способствовал кризис правых, занимавших при поддержке имперской бюрократии доминирующее положение в общественной жизни дореволюционной Бессарабии. При этом не стоит переоценивать влияние националистов после Февраля. Реальную поддержку населения можно представить, хотя бы исходя из результатов выборов в Учредительное собрание, где МНП набрала 2,2% голосов избирателей. Некоторым националистам, впрочем, удалось пройти по спискам других партий, прежде всего эсеров [15. С. 51–52].

На начальном этапе революции молдавские национальные организации тесно взаимодействовали с украинскими [15. С. 100]. Однако вскоре между ними начали проявляться противоречия. 6 июня 1917 г. Центральная Рада направила в Кишинев, местным органам власти и МНП телеграмму, содержащую приглашение всех комиссаров украинских губерний на совещание в Киеве. Этот демарш вызвал протесты у молдаван, составивших ответную телеграмму, в которой отвергались претензии Рады на Бессарабию. Тогда же бессарабский губернский комиссар В. Г. Кристи отправился в Петроград. Одной из целей его поездки было желание убедить Временное правительство не включать Бессарабию в число «украинских губерний», на чем настаивала украинская сторона, в частности — глава Генерального секретариата Центральной Рады В. К. Винниченко. В Петрограде к позиции Кристи отнеслись с пониманием. Основным его доводом стало то, что в Бессарабии 68% населения составляли молдаване, а следовательно, присоединение губернии к Украине стало бы нарушением права наций на самоопределение. Винниченко был вынужден признать поражение, заявив в одном из интервью: «Я приехал с 10 губерниями в портфеле, а уезжаю с 9-ю» [26. Р. 88–90].

Притязания Рады и большевистский переворот в Петрограде ускорили формирование «национальных» органов власти в Бессарабии. Вслед за провозглашением автономии Украины 7(20) ноября 1917 г. в Бессарабии окончательно формируется собственный аналог украинской Рады — Сфатул Цэрий (Совет Страны), который должен был обеспечивать управление Бессарабией до созыва Учредительного собрания.

2 декабря 1917 г. Сфатул Цэрий провозгласил автономию Бессарабии в составе фактически несуществующей «Федеративной России». Этот шаг стал попыткой противостояния большевистской экспансии и украинским территориальным претензиям. К началу 1918 г. становится ясно, что Сфатул Цэрий не вполне контролировал ситуацию в крае, в том числе потому, что ему так и не удалось создать собственные военные и полицейские части. В этих условиях появляется идея обратиться за помощью к Румынии, которая, воспользовавшись «приглашением» из Кишинева, ввела свои войска на территорию Бессарабии в начале января 1918 г. Уже в присутствии румынских военных частей 24 января, через два дня после провозглашения независимости УНР, была провозглашена полная независимость Молдавской Народной (по некоторым источникам — Демократической) Республики. Одним из аргументов сторонников независимости была украинская угроза [15. С. 271].

Эти события привели к активизации украинского движения в Бессарабии. В середине января 1918 г. Аккерманское уездное земство и городской Совет приняли резолюцию о присоединении уезда к УНР [15. С. 255]. В Кишиневе тем временем были заняты написанием конституции МНР. В одном из предлагавшихся проектов явно в пику украинцам декларировалось право приграничных районов по левому берегу Днестра, населенных молдаванами, войти в состав республики [15. С. 278].

Заключение Брестского мира и сепаратные мирные переговоры между Румынией и Германией делали шансы УНР завладеть частью Бессарабии все более призрачными. В этих условиях украинскому правительству оставалось только требовать обязательного своего участия при решении судьбы Бессарабии. Позицию УНР по «бессарабскому вопросу» обозначил Грушевский в речи по случаю заключения Брестского мира: «Мы, когда будем стараться прийти с молдавской демократией к взаимопониманию по размежеванию интересов украинского и молдавского населения в Бессарабии, то будем исходить из современных реальных отношений. И здесь, как вы знаете, с украинской стороны ни у кого нет претензий на те части Бессарабии, в которых большинство составляет молдавское население, и поскольку действительно местное население выразит свое желание объединиться с Румынией... думаю, что со стороны наших политиков не будет никакого намерения ограничить то законное право каждого населения, каждого народа, являющегося хозяином земли, объединиться с тем или иным государством. Речь будет идти только про те территории, на которых молдавское население не имеет абсолютного большинства. Это речь о южной части Бессарабии и северной» [9. С. 114; 24. С. 206]. Говоря о ссылках на историческое право, Грушевский заметил, ссылаясь на свой авторитет историка, что подобного рода разговоры «не на руку молдавскому населению» [9. С. 115]. Эти же идеи были выражены в ноте, направленной в адрес правительств Германии и ее союзников, а также Румынии [15. С. 338–339].

В то же время северные районы Бессарабии оказались фактически оккупированы австро-германскими войсками, с согласия которых Рада стала назначать своих чиновников на различные административные должности [15. С. 339]. Уже после провозглашения 27 марта 1918 г. объединения Бессарабии и Румынии украинские эмиссары в Хотинском уезде продолжали агитацию за присоединение к УНР и против Румынии [15. С. 328–339]. Только 10 ноября 1918 г. румынские войска вошли в Хотин. Реакцией на установление румынской администрации и начавшиеся с ее стороны притеснения крестьян стало Хотинское восстание, имевшее, прежде всего, социальные корни, но также и национальную подоплеку. Например, захватившие власть повстанцы имитировали структуру управления Украинской директории и активно сотрудничали с ней.

Окончание Первой мировой и Гражданской войн в России привело к установлению границы между Румынией и УССР по Днестру. Советский Союз на протяжении всего межвоенного периода не признавал акта 27 марта 1918 г.: даже когда в начале 1930-х были установлены

советско-румынские дипломатические отношения, вопрос о Бессарабии оставался открытым [17. С. 332]. Не имевшая возможности решить «бессарабский вопрос» силовым путем Советская Россия пошла по пути создания буферной республики, которая должна была стать одним из плацдармов «мировой революции» и «витриной социализма» не только для Бессарабии, но также для Румынии и для всего Балканского региона. Аналогичную роль играли Карельская АССР по отношению к Финляндии и Белорусская ССР — к Польше. В 1924 г. по инициативе румынских и бессарабских политэмигрантов на левом берегу Днестра была создана Молдавская АССР в составе Советской Украины. В ее состав символически была включена «оккупированная боярской Румынией» Бессарабия, а «официальной» столицей объявлен Кишинев. Эта идея культивировалась на протяжении всех 1920-х гг. Так, в изданном в 1928 г. «Атласе Союза Советских Социалистических Республик» о МАССР говорилось, что ее «центр временно установлен в Балте, — временно потому, что действительную столицей Молдавии следует считать захваченный румынами Кишинев» (см. рис. 4) [1. Л. 83]. Примечательно, что руководство Советской Украины воспринимало «оккупированную румынами» Бессарабию именно как составную часть УССР. Население республики было неоднородным, а молдаване составляли только треть [32. Р. 63—88].

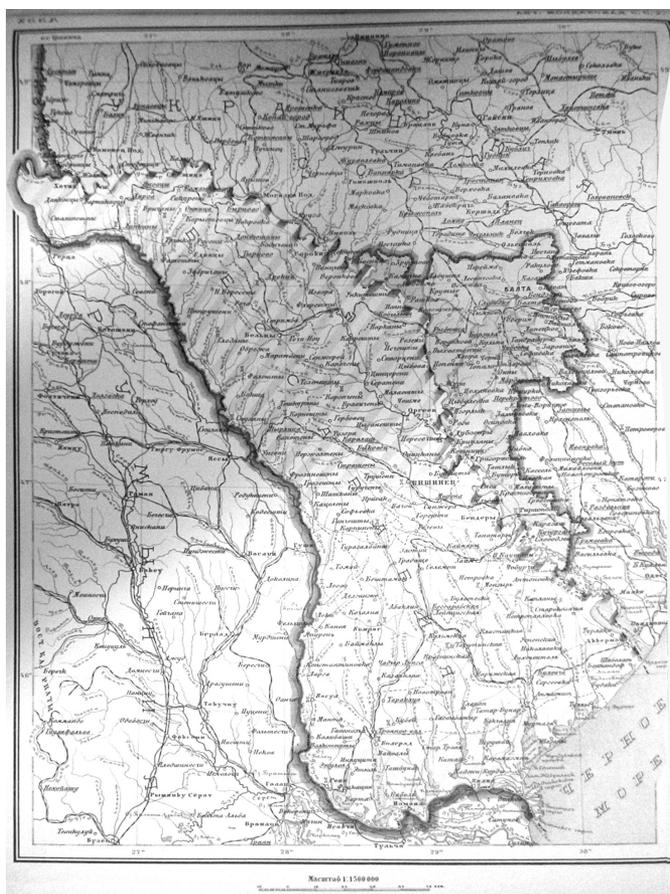

Рис. 4. Молдавская АССР и Бессарабия. 1928 г.

В специфических условиях развивались румынско-украинские отношения на Буковине. В отличие от Бессарабии, местные румыны находились в более привилегированном положении, в то время как «национальное возрождение» украинцев запаздывало. Например, украинский язык стал официальным только в 1860-х гг. В целом Австрия проводила достаточно успешную этнополитику: играя на противоречиях национальных меньшинств, сохраняла равновесие и склоняла их к компромиссам. Но ситуация изменилась с началом Первой мировой войны, когда национальный вопрос был поставлен в геополитическую плоскость, что сделало противостояние неизбежным.

Виднейшим борцом за «румынское дело» на Буковине был профессор Черновицкого университета Ион Нистор. Он доказывал, что румыны на Буковине — это «самая аборигенная раса», и оспаривал официальную австрийскую статистику, согласно которой украинцы численно превосходили румын, считая это результатом австрийских антирумынских козней и фальсификаций [35. Р.1]. Во многом притязания Нистора на Буковину строились на «исторической» аргументации. На момент австрийской оккупации Буковины в 1775 г., по подсчетам Нистора, в крае проживало около 53 тыс. румын и 15 тыс. русинов (украинцев). До середины XIX в. эта пропорция сохранялась, но затем число украинцев стало расти и к 1870—1880-м гг. превысило число румын [35. Р. 156]. В целом Нистор не сильно лукавил, используя имеющуюся в его распоряжении статистику. Но его построения, по сути, представляли собой подмену этнографического принципа принципом «справедливости». При этом Нистор фиксировал некое «идеальное» (с точки зрения румын) состояние в произвольный момент в прошлом и на этом основании предлагал решить вопрос о территориальной принадлежности Буковины в пользу Румынии. Общий вывод Нистора состоял в том, что «автохтонное» румынское население активно украинизируется. «Установленная историческая истина, — писал Нистор, — возлагает на нас обязанность поставить заслон рутенизации и бороться всеми средствами за возвращение утраченной земли» [35. Р. 167].

В 1918 г. Нистор опубликовал «Этнографическую карту Буковины», которая должна была визуализировать его виденье этнической картины региона. Основываясь на переписи 1910 г., он «скорректировал» данные так, чтобы усилить чересполосицу на украинском севере края, а румынский юг сделать более однородным. Еще одним приемом, использованным Нистором, стало выделение в отдельную категорию гуцулов, что еще больше сократило украинский ареал. Гуцулов в румынской этнографии часто рассматривали как «украинизированных румын» или потомков дако-гетов, воспринявших, в отличие от румын, не латинский язык, а славянский. В частности, теории румынского происхождения гуцулов придерживался крупнейший румынский историк эпохи Николае Йорга [31. Р. 1]. Хотя сам Нистор этой идеи не разделял, результатом его манипуляций стало то, что, несмотря на фактическое доминирование украинцев, за ними признавалось право только на меньшую часть территории Буковины (см. рис. 5).

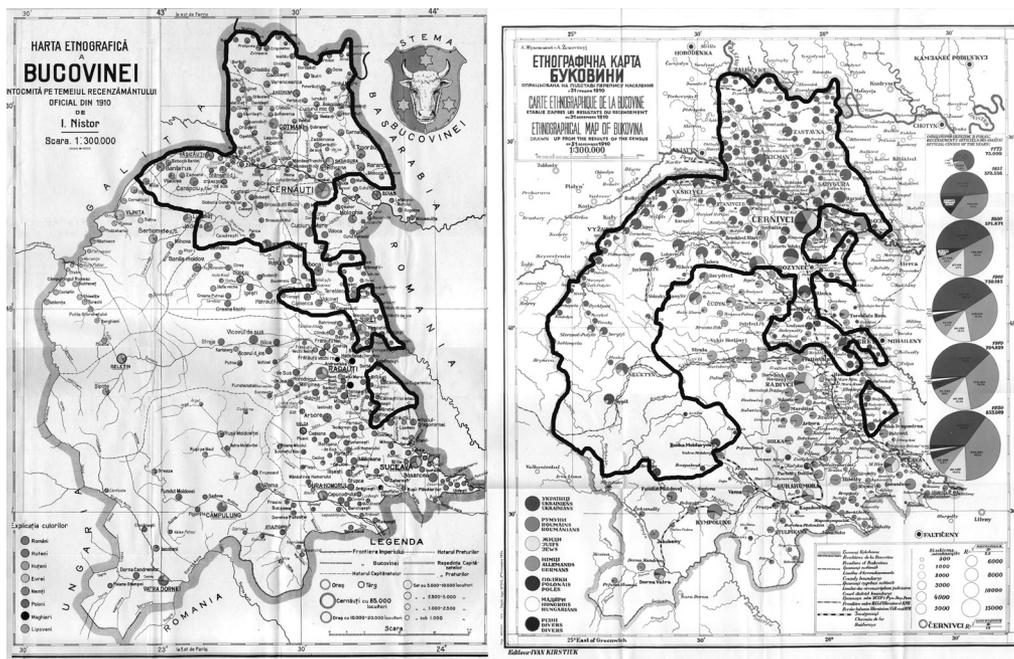

Рис. 5. Этнографические карты Буковины И. Нистора (слева) и А. Жуковского (справа). Черной линией показаны примерные границы компактного расселения украинцев.

Ответ украинцев на румынские изыскания в области истории и этнографии Буковины был несколько запоздалым (что было связано с подавлением украинского движения в крае в межвоенный период). Уже после Второй мировой войны в эмигрантской среде был издан том «Буковина — ее прошлое и настоящее», но доминирующий в ней нарратив сложился, безусловно, ранее — в 1920—1930-е гг. Историческая часть работы, написанная преимущественно А. Жуковским, была во многом построена на полемике с румынскими историками, и прежде всего — с Нистором. Жуковский пытался доказать приоритет украинцев перед другими народами, жившими в регионе. Он отстаивал идею «автохтонности» восточных славян не только на Буковине и в Бессарабии, но и на всей территории Румынии. Румыны, по его мнению, были пришлым народом, переселившимся на север от Дуная не ранее X в. [3. С. 138]. При этом славяне у Жуковского последовательно отождествляются с украинцами, хотя ни античные и средневековые авторы, ни историки XIX в. (преимущественно немецкие и венгерские, на которых ссылался Жуковский) не оперировали таким термином. Более того, вплоть до начала XX в. «национальное возрождение» на Буковине имело мало общего с современным украинским националистическим дискурсом и проходило под знаменем «русского» языка и возрождения «Буковинской Руси». Массовое утверждение украинской сознательности началось здесь только накануне Первой мировой войны [21. С. 5].

Диаметрально противоположным образом Жуковский трактовал национальный состав Буковины в XIX — начале XX в. По его данным, на момент австрийской оккупации в 1774 г. здесь проживало 69% украин-

цев» и 20% румын [3. С. 210]. Из этого следовало, что, вопреки построениям Нистора, в XIX в. не румыны ассимилировались украинцами, а наоборот. При этом причиной «денационализации» украинцев Жуковский называл политику Австрии, которая якобы поддерживала румын в пику украинцам [3. С. 221—222]. Даже пресловутая перепись 1910 г. здесь трактовалась как «сфальсифицированная», но уже в пользу румын [3. С. 253].

К книге прилагалась составленная Жуковским карта Буковины, основанная на тех же данных, но полемизировавшая с картой Нистора. Жуковский не выделял в отдельную группу гуцулов. Пересмотру подверглась также «принадлежность» ряда пограничных населенных пунктов, данные по населенным пунктам на севере Буковины интерпретированы в сторону украинской этнической однородности. В целом же по Жуковскому украинская часть Буковины занимала почти вдвое большую площадь, чем у Нистора (см. рис. 5).

В 1918 г. в условиях распада Австро-Венгрии началась борьба за Буковину. Среди местной румынской элиты не было единства. Часть выступала, подобно Нистору, за полное и безоговорочное присоединение края к Румынии, в то время как ряд деятелей во главе с А. Ончулом придерживались идеи раздела Буковины по этническому принципу. 27 октября 1918 г. состоялось Народное собрание буковинских румын, принявшее декларацию о создании Национального совета. 16 ноября украинские лидеры созвали собственное собрание, принявшее решение о включении большей части Буковины в состав «украинского государства». Конфликт был «разрешен» с помощью румынских войск, фактически оккупировавших Черновцы. В этих условиях 28 ноября состоялся Всеобщий съезд Буковины (большинство в котором составляли румыны), единогласно проголосовавший за объединение Буковины с Румынией [12. С. 503—505].

Примечательно, что короткое время до прихода румынских войск в крае существовало «этнократическое двоевластие»: румынские и украинские органы существовали параллельно, а по договоренности между ними власть каждого имела приоритет в общинах, населенных «соотечественниками». При этом Черновцы оставались под совместным управлением [3. С. 314]. Местная румынская элита в принципе была не против раздела Буковины с украинцами по Пруту или Сирету, но к 1918 г. общественное мнение во многом уже находилось под влиянием сторонников Великой Румынии, которые ссылались на «историческое право» и требовали присоединить область целиком [7]. Сторонники же компромисса были подвергнуты обструкции как «предатели». И. Нистор называл их не иначе как «*homo bucovinensis*», ренегатами, выращенными в «политическом питомнике бывшего австрийского режима» [33. Р. 59].

Межвоенный период также получил диаметрально противоположные оценки в украинской и румынской литературе. Румыны делали акцент на успехах румынской культуры в «освобожденном крае». Украинцы, в свою очередь, рассматривали присоединение Буковины как агрессивный акт. Жуковский писал: «...новый узурпатор — румыны, как в 1359 г. (начало правления Богдана I — первого независимого правителя Мол-

давского княжества. — О. Г.), так и в 1918 г. смогли оккупировать эту украинскую землю только вооруженной силой, встретив активное сопротивление украинского населения. На этот раз оккупанту помогало местное румынское население, которое пришло в Буковину в результате двух предыдущих оккупаций — молдавской и австрийской» [3. С. 317]. Межвоенный период рассматривался украинскими авторами как период тяжелых репрессий, насильственной румынизации [3. С. 320], а также «героического сопротивления» украинцев, ядро которого составил местный филиал ОУН [3. С. 356—357].

Начало Второй мировой войны привело к кардинальным территориальным переделам в регионе. 26 июня 1940 г. Советский Союз, действуя в рамках пакта Риббентропа—Молотова, потребовал от Румынии передать Бессарабию и Северную Буковину. Находящаяся в фактической изоляции Румыния была вынуждена уступить и провести в кратчайшие сроки эвакуацию войск и администрации с указанных территорий [12. С. 518]. Кроме того, Советский Союз занял уезд Херца, входивший до 1918 г. в состав Румынского королевства.

Интересной была «этническая аргументация» советской стороны. В телеграмме наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова полномочному представителю СССР в Королевстве Румыния А. И. Лаврентьеву говорилось, что «в 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (Россия) часть его территории — Бессарабию — и тем нарушила вековое единство Бессарабии, *населенной главным образом украинцами* (курсив мой. — О. Г.), с Украинской Советской Республикой» [22. С. 61]. Большая часть приобретенных территорий (Северная Буковина, Хотинский уезд и южная часть Бессарабии) была передана в состав УССР, из центральных районов Бессарабии и части бывшей МАССР была создана Молдавская ССР. Изначально претензии руководства Советской Украины были еще шире — включали ряд районов, населенных молдаванами и гагаузами на юге современной Молдовы.

Занятие Бессарабии и Северной Буковины подтолкнуло Румынию к союзу с Германией, а затем и к участию румынских войск в войне против СССР. Вступив в войну в июне 1941 г., Румыния в течение месяца восстановила свою администрацию в Бессарабии и на Буковине. Однако Гитлер потребовал продолжения участия Румынии в войне, что привело к румынской оккупации междуречья Буга и Днестра, получившей название «Транснистрия» [12. С. 586—587]. На занятых Румынией территориях было создано три губернаторства, но Бессарабия и Буковина скоро были официально включены в состав Румынии, в то время как Транснистрия формально в состав Румынии не входила [17. С. 412—413]. Оккупация Транснистрии вернула к жизни интерес к «этническим румынам», проживавшим за Прутом. В 1940—1943 гг. отмечался всплеск литературы, посвященной обоснованию исторических и этнических прав на эту территорию. Это нашло отражение и в этнографических картах, наиболее радикальные из которых утверждали «румынский характер» населения большей части современной Украины (см. рис. 6).

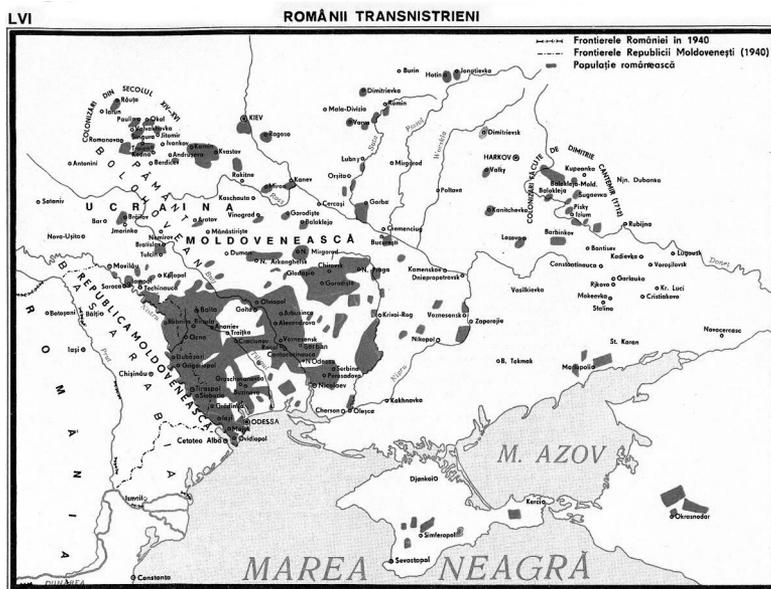

Рис. 6. «Заднеэтровские румыны». Карта Н. Смокины. 1940 г.

Планы румынского правительства в отношении границ Транснистрии были расплывчатыми. Так, вице-премьер Михай Антонеску заявил 23 января 1942 г. на заседании правительства: «Пока не известно, что станет с Россией, очень трудно знать, как далеко простирается Транснистрия» [17. С. 413].

Военные поражения Германии и союзной ей Румынии привели в 1943–1945 гг. к очередному пересмотру границ, который свелся к восстановлению статус-кво на 1941 г. Проект Великой Румынии был окончательно похоронен. Причиной этого стало не только военное поражение, но и политика правительства, проводимая в межвоенный период, особенно в 1941–1943 гг. Не только население Транснистрии, но и «исконных» Бессарабии и Буковины подверглось массовым репрессиям [17. С. 400–401], что сказалось на лояльности не только меньшинств, но и «этнических румын». Программа «румынизации» румынско-украинского пограничья предполагала этнические чистки, депортации меньшинств и колонизацию освободившихся земель выходцами из «старого королевства» (т. е. Румынии в границах до 1918 г.). Частично эта программа начала реализовываться в конце 1942-го — начале 1943 г. [17. С. 413–415].

В 1940–1960-х гг. тема Бессарабии и Буковины в Румынии была табуирована, но с приходом к власти Чаушеску она возвращается в повестку дня. В качестве «акций» румын, призванных привлечь международное внимание к проблеме, можно назвать публикацию книги «Карл Маркс. Заметки о румынах» — неизданных в СССР работ «классика марксизма-ленинизма», содержавших острую критику Российской империи и ее политики на нижнем Дунае и Балканах [34], а также публикацию в Румынии текста секретного приложения к пакту Молотова–Риббентропа. Кроме того, сам Чаушеску не скрывал, что воспринимал МССР как территорию, отрезанную от Румынии [11. С. 507].

Начиная с 1960-х гг. среди интеллектуальной элиты Молдавской ССР происходили процессы скрытой румынизации, что нашло отражение в реабилитации классиков румынской литературы и приведению молдавского языка в соответствие с румынской литературной нормой [14. С. 489]. В период распада СССР эта тенденция вылилась в «возвращение» представлений о «румынском пространстве» в том его виде, как оно представлялось в межвоенный период. В этой картине мира независимому молдавскому государству не оставалось места, а объединение Молдовы и Румынии представлялось лишь вопросом времени. Однако уже в середине 1990-х политическая элита, выросшая из советской номенклатуры, взяла курс на новую «молдованизацию», и идея пересмотра границ оказалась невостребованной.

Не сложилось четкого представления о перспективах объединения и контурах будущих границ (вся «историческая Бессарабия», территория РМ в ее официальных границах или правобережье без Приднестровья) и среди румынской политической элиты. Несмотря на популярность унионистской риторики среди самых разных политических сил, практическая сторона вопроса — дополнительная нагрузка на и без того скромный румынский бюджет, наличие «замороженного» приднестровского конфликта, международные последствия, а также явное нежелание огромной части жителей Молдовы (и тем более Приднестровья) стать частью Румынии — препятствует постановке вопроса в практической плоскости.

Среди молдавских националистов (так называемых *молдовенистов*) идея создания «Великой Молдовы» в границах средневекового княжества или «возвращения» утраченных районов Бессарабии имеет некоторую популярность, но крупные политические игроки, симпатизирующие молдовенизму, от подобного рода заявлений воздерживаются. Исключение составляют откровенные маргиналы вроде партии «Патриоты Молдовы», прославившейся эксцентричными акциями вроде провозглашения В. В. Путина «истинным президентом Молдовы», периодических деклараций «о восстановлении целостности Молдавского княжества в исторических границах», «о расторжения соглашения об объединении Румынии» [18]. Сторонниками партии также выдвигались идеи «раздела Румынии» между Молдовой и Венгрией, где популярна идея пересмотра Трианонского договора 1921 г. и возвращения Венгрии в границы до 1918 г.

Сторонники идеи «Великой Молдовы» пытаются вести деятельность и в Румынии, играя на регионалистских чувствах жителей восточных областей страны, составивших до середины XIX в. Молдавское княжество. Так, в середине 2000-х гг., с негласного согласия правящей тогда Партии коммунистов Республики Молдова, в Яссах была осуществлена попытка создания «Общества молдаван Румынии», а тогдашний президент Молдовы заявлял, что «в Румынии существует 10 миллионов угнетенных молдаван» [29. Р. 44]. Впрочем, особого успеха эти действия не имели.

На постсоветской Украине можно констатировать отсутствие серьезных стремлений к пересмотру юго-западной границы. Текущее состоя-

ние в целом соответствует сформировавшемуся среди украинских националистов еще в начале прошлого века образу «идеального отечества». Однако события 2014—2016 гг. активизировали потенциал центробежных течений на границах страны. Особенно это актуально для Одесской области (южная Бессарабия или Буджак), где у полиэтничного населения, длительное время живущего в условиях фронта, сформировалась особая региональная идентичность.

Таким образом, концепции реформирования пространства, изначально формулировавшиеся историками, географами и публицистами, ложились в основу политики правительств, контролировавших или стремившихся контролировать Бессарабию, Буковину и Транснистрию в период с 1916-го по 1944 г. Эта политика имела следствием, помимо всего прочего, значительную гомогенизацию населения румынско-украинского пограничья. Завершение Второй мировой войны привело к установлению в регионе границ, в целом сохраняющихся до настоящего времени. Хотя сейчас в исследуемом регионе нет серьезных сил, ставящих во главу угла пересмотр имеющихся границ, а идеи ирредентизма, сепаратизма и экспансионизма остаются уделом маргиналов, их не стоит недооценивать.

Литература

1. Атлас Союза Советских Социалистических Республик. М. : Издание ЦИК СССР, 1928.
2. **Берг Л. С.** Бессарабия. Страна, люди, хозяйство. Пг. : Огни, 1918.
3. Буковина — її минуле і сучасне / під ред. Д. Квітківського, Т. Бриндзана та А. Жуковського. Париж ; Філадельфія ; Дітройт : Зелена Буковина, 1956.
4. **Бутович В. Н.** Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. Киев : Скоропеч. Х. Ю. Бурштейна, 1916.
5. **Галушко К.** «Карта Украины» 1918 г., соответственно условиям Брестского мирного договора. — <http://likbez.org.ua/karta-ukrainyi-1918-g-sootvetstvenno-usloviyam-brestskogo-mirnogo-dogovora.html> (дата обращения: 13.04.2016).
6. **Горбань Т. Ю.** Геополітичні ідеї академіка С. Рудницького (1877—1937): український контекст // Історія науки і біографістика. 2011. № 4. — http://inb.dnsgb.com.ua/2011-4/11_horban.pdf (дата обращения: 22.03.2016).
7. **Григоршин С.** Украина во внешнеполитических концепциях Румынии // Украинская государственность в XX веке (историко-политологический анализ) / под ред. Е. Быстрицкого, А. Дергачева и др. Киев : Политическая мысль, 1996. — <http://litopys.org.ua/ukrxhr/a11.htm> (дата обращения: 19.04.2016).
8. **Грушевський М.** Люстрована Історія України—Русі. Нью-Йорк : Видавництво Чарторийських, 1967.
9. **Грушевський М.** На порозі нової України. Статті і джерельні матеріали. Нью-Йорк ; Львів ; Київ ; Торонто : Українське Історичне Товариство, 1992.
10. **Грушевський М.** Освобождение России и украинский вопрос : статьи и заметки. СПб. : Общественная польза, 1907.
11. **Дигол С.** Парадигмы и парадоксы концепции национального государства в постсоветской Молдавии: язык, государственность и национальная идентичность // AbImperio. 2005. № 3.
12. История Румынии / под ред. И. А. Попа и И. Болована. М. : Весь Мир, 2005.

13. **Крушеван П.** Бессарабия. Географический, исторический, статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборник. М. : Знамя, 1903.
14. **Кушко А., Таки В.** «Кто мы?» Историографический выбор: румынская нация или молдавская государственность // *Ab Imperio*. 2003. № 1.
15. **Левит И. Э.** Молдавская республика (ноябрь 1917 — ноябрь 1918). Кишинев : Центральная типография, 2000.
16. **Михутина И. В.** Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). М. : Институт славяноведения РАН, 2003.
17. Очерки политической истории Румынии (1859—1944) / под ред. И. И. Минца, Н. И. Лебедева. Кишинев : Штиинца, 1985.
18. «Патриоты Молдовы» требуют раздела Румынии и возврата Молдавии ее исторических земель. — <http://regnum.ru/1406130.html> (дата обращения: 02.09.2016).
19. **Райковский Б., Донченко Ю., Смолянников С.** Михайло Грушевський — засновник системи демократичних виборів в Україні // *Вісник Центральної виборчої комісії*. 2006. № 1.
20. **Рудницький С.** Початкова географія для народних шкіл. Київ ; Львів ; Відень : Товариство «Вернигора», 1919.
21. **Старик В. П.** Від Сараєва до Парижа. Буковинський Interregnum 1914—1921. Чернівці : Прут, 2009.
22. 1941 год : в 2 кн. / под ред. В. П. Наумова. М. : Международный фонд «Демократия», 1998. Кн. 1.
23. Украинский вопрос. СПб. : журн. «Украинская жизнь», 1914.
24. Українська Центральна Рада : документи і матеріали. Київ : Наукова думка, 1996. Т. 1.
25. **Шахматов А. А.** Введение в курс истории русского языка. Пг. : Типография «Научное дело». 1916. Ч. 1: Исторический процесс образования русских племен и наречий.
26. **Bogos D.** La raspântie. Moldova de la Nistru 1917—1918. Chişinău : Ştiinţa, 1998.
27. **Boia L.** «Germanofilia». Elita intelectuală românească în anii Primului Război Mondial. Bucureşti : Humanitas, 2010.
28. **Boldur Al.** Români şi strămoşii lor în istoria Transnistriei. Iaşi : Liga culturală, 1943.
29. **David A. V.** Planuri şi scenarii actuale vizând dezmembrarea României // *Vitalii*. 2016. № 26.
30. **Ghibu O.** De la Basarabia rusească la Basarabia românească. Cluj : Fără editura, 1926.
31. **Iorga N.** Românismlul în trecutul Bucovinei. Bucureşti : Pub. Mitropoliei Bucovinei, 1938.
32. **King Ch.** The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture. Stanford : Hoover Institution Press, 2000.
33. **Livencanu I.** Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building and Ethnic Struggle, 1918—1930. Ithaca ; L. : Cornell University Press, 2000.
34. **Marx K.** Însemnări despre români (manuscrite inedite). Bucureşti : Editura Academiei Republicii Populare Române, 1964.
35. **Nistor I.** Români şi rutenii în Bucovina. Studiu istoric şi statistic. Bucureşti : Ediţiunea Academiei Române, 1915.
36. **Nour A.** «Alsacia-Lorena» romîno-rusă // *Viaţa Românească*. 1915. № 4.
37. **Rudnyčky S.** Ukraina: Land und Volk. Wien, 1916. ◆